

Валерий
Смирнов

МАТРИЦА

ХЗ хЗЗЗ

Валерий Смирнов

Матрица

"Мультимедийное издательство Стрельбицкого"

Смирнов В.

Матрица / В. Смирнов — "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого",

В эту книгу вошли лучшие рассказы Валерия Смирнова, написанные
автором в разные годы.

© Смирнов В.
© "Мультимедийное издательство
Стрельбицкого"

Содержание

Хорошенькое дельце	5
Картина первая	5
Картина вторая	6
Картина третья	8
Картина четвертая	11
Картина четыре:	12
Картина пятая	13
Картина шестая	14
Картина седьмая	16
Картина восьмая	18
Картина восемь:	19
Картина девятая	20
Картина десятая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Валерий Смирнов

Матрица

Хорошенькое дельце

Картина первая

Весенний день на Медео, светит солнце, но еще везде снег. Дачный массив, скромные домики, видно массив не богат, заборы, колючая проволока, хромой сторож кореец. На одной из дачек идет крупная игра в карты. Игроков трое: хозяин дачи-кореец в богатом халате лет сорок, узбек толстый с зеленого базара, все пальцы в перстнях неопределенных лет и белый красавец английского типа лет под тридцать в костюме беж. Жарко топится печка, сторож молча появляется, подкладывает дрова и исчезает. На столе деньги.

– Я пас, – говорит узбек, откидывая карты.

– Ваше слово, – язвительно смотрит на красавца кореец и двигает в кучу пачку денег.

– Замеряю, – объявляет тот и достает маленькую балетку, открывает ее и выкладывает на стол пачку червонцев. И тут вдруг рев мотора, скрип тормозов и резкий голос: «Всем оставаться на местах! Милиция!»

Кореец и блонда вскакивают, ошалело глядя друг на друга, блонда хватается табурет и швыряет его в окно, туда ныряет кореец, блонда за ним и оба бегут бок о бок, перемахивают через заборы, потом разбегаются. Слышен вой сирены, собачий лай и несколько выстрелов вслед. Горячая пуля обжигает плечо блонды, но он уже выбегает с массива. Перед ним дорога, горное шоссе. По дороге спускается грузовик, дорога коварная, водитель смотрит только вперед и не замечает, как блонда подбегает, цепляется за кузов и исчезает в нем. Грузовик уже на Ленина напротив гостиницы «Алатау» и тут его останавливает гаишник.

– Привет, кум, – объявляет гаишник.

– Здорово, – весело подхватывает водила. – Ты откуда здесь?

– Ловим тут всяких-разных. Ты сверху?

– Ага, из санатория.

– А что везешь?

– Да металлолом всякий. Да ты глянь сам.

Гаишник встает на подножку, заглядывает в кузов, в кузове брезент. Он поднимает край и безнадежно машет рукой.

– Как там моя сестрица... и кумовья ударяются в длинные семейные разговоры, а пока они чешут языки, из-под брезента на дорогу выбирается блонда. Он тут же перебегает дорогу и скрывается в гостинице. Фойе он проскакивает без заминки, забегают в лифт, поднимается на этаж и тут сталкивается с коридорной.

– Что это с вами? – всплескивает она руками.

У него растерзанный вид, он зажимает плечо:

– Я попал в ДТП.

Быстро-быстро он проходит по коридору и скрывается в своем номере

Картина вторая

Блонда на кровати в своем номере, полуодет. Все не прибрано, разбросано, видно, что ему мучительно больно. Достает из шкафа элегантный чемодан, открывает его – там запасной вечерний костюм. С большим трудом переодевается, видно, что плечо уже забинтовано. Подходит к зеркалу, смотрит на себя – выглядит нарядно.

По стеночке выходит из номера и опять в лифт. Спускается в фойе и по стеночке туда, где указатель «Ресторан». Он почти достигает входные двери, как вдруг хлопает себя по карманам, закусывает губу, разворачивается и по стеночке возвращается в лифт. А в фойе жизнь своим чередом, приезжие сидят под пальмами, ждут, когда освободится номер, газетки читают. И среди них один, правильнее назвать гигант, возраст лет под сорок пять с тусклыми голубыми глазками. Одет как чучело, на голове безобразная шляпа, габардиновый плащ и сапоги, типа болотные. В таких нарядах агрономы только по полям ходят. Гигант не выпускает из вида блонду, он даже крикает от удовольствия, видя того мучения и, как только тот скрывается в лифте, встает и огромными шагами направляется к нему. Блонда уже был в своем номере, когда появился этот. Коридорная обомлела, увидя перед собой этого великана – низкий скошенный лоб, широкие татарские скулы, рост за два метра.

– Простите, милочка, – довольно любезно промычал тот. – Только что тут проходил мой племянник в вечернем костюме. Мы разошлись с ним в фойе. Не будете-ли любезны указать, где его найти.

Та заморожено кивнула, он провел рукой по воздуху, раскрыл ладонь и на ней оказалась пунцовая роза.

– Это вам, милочка, – нежно и ласково прошептал он и у коридорной поплыла голова.

Дверь была открыта, в номере полумрак, он шагнул, потянул носом: «кровью пахнет, кровью». На кровати в беспамятстве развалился блондин. Он уселся рядом.

– Эй, племянничек, племяшек, ты меня слышишь? Это ведь я, добрый дядя Чиф.

– Поди ты к черту, – с трудом разлепив глаза, простонал блонда.

– Вот те на! – изумился тот, кто назвал себя Чифом. – Нет, вы поглядите, как воля портит человека. А ведь еще полгода назад племяшек ты говорил мне приятные слова.

– Что тебе надо, старый дьявол.

– Узнаю, узнаю тебя, Валет. Ты такой же гордый и такой же глупый. Зона тебя ничему не научила.

– Пошел вон! – вскипел тот.

– Это мы запросто. За нами ведь хвостов нет, и зачем нам такие, – с этими словами великан издевательски глядя, поднял с пола оторванный рукав рубахи в крови, небрежно покачал рукой и кинул тряпку в лицо блондину.

– Прощай, я думал ты умнее.

– Прости меня, – взвился тот. – Не уходи. Я виноват, но я ранен, в меня стреляли. Помоги мне.

– Рассказывай, – уселся против него великан.

Да что ж рассказывать. Играл я на даче, хорошие деньги мог взять, а тут налет, менты. По-моему, у корейца дурь была.

– Открой плечо. Хочу посмотреть, как обработал. Так, ты подранок, Валет. Это плохо, очень плохо. Менты своих подранков не бросают. Кровь на снегу осталась, тебя ищут всюду. И опять новый срок, ты и первый сидел ни за что, а второй...

– Да, я попал и самое главное – у меня нет денег. Все там оставил. Есть хочу.

– Собирайся, все собирай. Уходим. Отметим эту встречу в ресторане, у меня есть для тебя предложение. – И парочка быстро собравшись, убралась с этажа и очень даже своевременно. Коридорную уже допрашивали опера. А парочка сидела в ресторане и Чиф научал:

– Тебе сейчас надо лечь на дно, залечить рану, а потом бежать из этого города. У меня тут есть один должничок. Я тебя к нему определяю. Выздоровливай. Ты мне нужен.

Потом оба вышли на проспект, Чиф поймал такси, усадил туда Валета и отправил по нужному адресу.

Картина третья

Утро следующего дня, светит солнце, вторая половина апреля, листва почти вся распустилась.

В кабинете с табличкой «начальник СМУ» было трое: сам начальник, Ланжевский, бывший борец тяж, начальник ПТО – руки по швам – и молодой чернявый парнишка лет двадцати пяти – прораб. Разговор происходил в глубоко оскорбительной для чернявого форме:

– Вы объяснили товарищу, он все хорошо понял? – ядовитым тоном спрашивал Ланжевский начальника ПТО. У того трепетали руки.

– Товарищ не понимает, у него свое мнение.

– Что непонятно? – вскинул глаза Ланжевский.

– Кто сидеть будет.

– Что?

– Статья вышла... за приписки и искажения статотчетности... до пятнадцати лет. И тут мне непонятно. Я подмахну весь этот криминал, а кто сидеть будет? – держал речь чернявый.

Два начальника переглянулись.

– А почему, собственно, сидеть?

– А потому, что за это сажают. Водовод не готов, еще год, как минимум, а я уже, оказывается, сдал его в эксплуатацию.

– Это не твое дело, щенок, – захрипел Ланжевский, наливаясь кровью. – Все бумаги согласованы на самом верхнем уровне.

– Вот и подписывайте сами.

– Ты кого мне привел! – зарычал Ланжевский на ПТО. – Вон отсюда его! Расчитать и по статье! Пшел отсюда!

– Сейчас, – хлоднокровно ответил чернявый. У Ланжевского в кабинете была дорогая мебель, дорогая посуда, графин, например. Вот этот графин попал под руку чернявому и тот отправил его в голову начальника. Ланжевский еле увернулся. Осколки брызнули во все стороны, испохабив красивые обои. Сам Ланжевский разъяренным быком кинулся на чернявого, поднял его на свои могутные плечи, протащил по коридору родного управления и сбросил с лестницы со второго этажа. Только что прошел дождь, стояли лужицы, наш герой угодил в лужу. Он поднялся мокрый, но не побежденный, вытянул руку вверх и захохотал:

– А еще с коммунистическим билетом!

– Иди, иди! – кричали ему сверху.

– Я приду в три, расчет чтоб был!

Далее наш герой отправился в управленческий вассер клозет, где подчистил свои перышки и далее в ближайшее питейное заведение. Время было одиннадцать часов, до трех уйма времени. Он стоял с кружкой пива за кафельным столиком и смотрел в окно. Под глазом расплывался синяк. Неожиданно на столик легла огромная тень. Он поднял голову и обомлел, на него глядела голова сатира. Голова ухмылялась, подмигивала, раздувала щеки, строила рожи и пищала.

– Что, нравится тебе моя мордашка? Вижу нравится, я всем нравлюсь. – В каждой лапе у сатира было по две кружки пива. – Если ты не возражаешь, я здесь приземлюсь. – И он бухнул на стол кружки с пивом. Чернявого как прорвало:

– Дядя. Да ты откуда взялся такой красивый! Тебя только в фильме ужасов показывать, – и завертелся вокруг столика, заплясал от восторга.

– Мимо проходил, – хлебнув пива, ослабился тот. – Вижу стоишь, скучаешь. Дай, думаю, зайду, развеселю паренька. Э, что это у тебя с глазиком. Ты никак повздорил с приятелем. Где то у меня есть снадобье. – Сатир пошарил в своем габардиновом плаще, извлек

какой то пузырек и мягкой лапой потер глаз. – Дня через три чисто будет. А давай-ка за знакомство, у меня и водочка есть. Он сделал пасс рукой и, как по волшебству, в лапе оказался четок водки. Ты кто вообще такой?

– Прораб я. Хотя уже как был.

– Прораб, прораб, – пожевал тот губами. – Хорошее имячко.

– Это не имя, – обиделся чернявый, – это должность.

– Вот и я говорю, – поддакнул сатир. – И имя хорошее, и должность хороша. А я – Чиф, все зовут меня так.

– Чиф, – изумился чернявый, – что это такое?

– Погоняло у меня такое, в переводе с английского старшой, значит.

– Так ты оттуда?

– Свеженький, но документы уже есть. Так что случилось с тобой, сынок, откуда фингал?

В популярной форме «сынок» изложил все дело.

– Сволочи, – согласился с ним Чиф. – Ну да что поделаешь, жизнь такая.

– А где ты живешь?

– У бабки одной, в Тастаке. Времянку снимаю, пятнадцать рублей в месяц плачу.

– Так ты не местный?

– Залетный я, из России.

– А как здесь оказался?

Теперь усмехнулся чернявый: «Хвост у меня из России. Пришлось бежать. Не хочу вспоминать».

– Это бывает, – согласился с ним Чиф. – А давай-ка по водочке. Пиво без водки – деньги на ветер.

Выпили, Чиф из плаща извлек сушеного леща. Чернявый вцепился зубами, стало теплее.

– Так куда ты теперь. И денег нету, и жилья своего?

– Не знаю, куда-то устраиваться надо.

– А давай ко мне. Есть хорошенькое дельце. Сколько тут стоит дом.

– Не знаю, – неуверенно ответил «сынок» – Всякие есть. Я знаю соседка продает. Две комнатки, кухня, прихожая, веранда, две сотки земли – семь тысяч.

– О! – поднял палец Чиф. – В самый девке раз. Как раз семь штук. Поработаешь у меня грачем.

– Это где?

Здесь, в южном Казахстане. Есть проект, четыре коробки возвести, фундаменты уже забиты. И я там был уже и фронт работ ясен. Нужна бригада – четыре человека, один у меня уже есть, ты будешь вторым, нужен еще один, третий. Как раз для тебя, сынок, Прорабом будешь. Погоняло тебе такое.

– Эх, дядя. Сразу видно, что ты залетный. Нашел с кем связаться. Там же вор на воре. Там даже не казахи, там узбеки. Я сам только оттуда.

– Знаю я это все. Но тут другое дело. У меня друг там, директор совхоза. Баскарма. И я тут гуляю на его деньги. Не веришь-глянь! – и Чиф вывернул огромный лопатник, битком набитый четвертаками. – Итак, семь штук под расчет и кормежка за счет заведения.

Прораб верил и не верил.

– Хочешь, я тебе аванс сейчас выдам. Ты ведь порядочный человек, не обманешь дядю Чифа.

Тот мотал головой – еще не решил.

– Хорошо, – заключил Чиф. – Ты думай до завтра. В одиннадцать ноль-ноль позвони по этому телефону, – сунул бумажку, – и говори точно. Время поджимает. Первого числа мы

должны быть на месте. Вся программа рассчитана на шесть месяцев. Начало – первое мая, конец – первое ноября. И было бы совсем неплохо, если бы ты привел еще одного. Поищи там.

На том и разошлись. Было два часа пополудни и чернявый, а лучше сказать Прораб отправился в свое управление за расчетом.

Картина четвертая

К пяти часам Прораб был уже в Тастаке, в небольшом синеньком ресторанчике. Это было старомодное деревянное строение, увитое плющом. Здесь всегда царила прохлада и масса свежего воздуха. Ресторанчик только открылся, столики, чистые салфетки, ходили официантки. Прораб присел за крайний столик и подозвал официантку. Однако, его здесь знали.

– Привет. Малыш здесь?

– Да уже пришел.

– Позови.

Малыш был саксофонистом в маленьком оркестре ресторана, впрочем, он мог играть на всех инструментах. Это был молодой человек, двадцати одного года, ровненький, тоненький с необычайным сиянием зеленых глаз.

– Привет, Малыш. Поздравь, выгнали меня с работы и по статье. Помнишь эту суку Ланжевского. Разбил я ему все-таки морду. Жаль, я в полусреднем весе, а в нем больше ста. Ну как я выгляжу с фингалом? Дельце у меня к тебе. Тут я с одним мужиком познакомился. Дело предлагает, но ехать надо. Отпустит-ли тебя жена?

И в двух словах изложил все дело. Малыш заюлил. Ресторан – вот и все, что он знал. Восемдесят рублей в месяц плюс куски со стола, жена, Маришка, которую он безумно любил, – это еще семьдесят рублей в месяц, она работала библиотекарем, а еще ее сестра-девятиклассница, которой и тряпочки нужны и бирюльки на пальчики – конечно, деньги нужны, но у него слабое здоровье и Маришка ни за что не отпустит.

– А если под мою ответственность.

Малыш задумался. Прораб для его семьи был непререкаемым авторитетом.

– Я буду говорить, убеждать, – пообещал он. – Слово даю.

– Я позвоню тебе до одиннадцати, – пообещал Прораб.

В ту же ночь Чиф развлекался с фигуристой брюнеткой, оба нежно ворковали в будуаре.

В ту же ночь Прораб в своей убогой землянке набивал чемодан и обтягивал его проволокой.

В ту же ночь Малыш, стоя на коленях, умолял свою жену отпустить его.

В ту же ночь Валету снился странный сон, будто где-то он в лесу на хуторе, рядом какая-то женщина, двое детей и все это его...

Ровно в одиннадцать в будуаре раздался звонок. Чиф одной рукой держал трубку, другой обнимал подругу. Переговорили коротко. Чиф назначил встречу в семь вечера в ресторане Алма-Ата. «И паспорта не забудьте», – отметил он особо.

Картина четыре:

Ровно в семь Прораб приодетый по случаю в пиджак и брюки, входил в банкетный зал, держа за руку трепещущего Малыша. Тот в водолазке и брючках казался тростиночкой, навстречу им двигался сияющий Чиф. Был одет он в шикарный кримпленовый костюм красного цвета, белая сорочка с золотыми запонками, галстук- бабочка, на ногах коричневые башмаки. Ступал мягко, носками внутрь. Пахло чистым мужским телом, дорогим мылом и мужским одеколоном. Столик уже был накрыт, за столом какой-то бледный, вялый тип, одетый по меркам казино, глаза смотрят в точку.

– А вот и наши новые друзья, – заверещал Чиф. – Ты погляди только, Валет, какие молодцы. А это, стало быть, наш новый дружок. Проходи Малыш, внучком мне будешь. Так, все за стол, начнем.

Чиф усадил всех за стол, разлил всем коньяк. На столе было минимум алкоголя, зато горячие шашлыки.

– Познакомьтесь с моим племянником, он немного нездоров, но это скоро пройдет. Ну, как я понял, вы согласны, давайте паспорта. Я беру билеты на тридцатое. Полетим самолетом, время вылета я сообщу. А пока давайте, налегайте, мясо нельзя оставлять.

Появился оркестр с певичкой, заиграла музыка, официант что-то нашептывал Чифу в ухо. Тот благосклонно слушал и посмеивался, с соседних столиков ему подмигивали бабенки. В общем, лучше всех. Даже Малыш успокоился. Расходились попарно, Малыш в микрорайон, Прораб в Тастак, эти двое на Ленина.

Картина пятая

День отлета выдался хорошим. Время близилось к одиннадцати, на ступенях самого здания аэропорта стоял Чиф, рядом Валет. Человеческие волны обтекали обоих. Чиф тревожно вертел головой. Но вот на площадь подкатила старенькая Волга, из которой с треском вывалился Прораб. Он тут же подкатил к Чифу.

– Что у тебя в руках?

– Инструмент. А чтобы чемодан не развалился, я его проволокой скрутил. Уже вдвоем стали поджидать четвертого. Но вот подъехала солидная машина, из нее вышел Малыш, рядом с ним Маришка.

– Вот так номер. Это кто такой. Никак не ожидал. Валет, прими – ка ее на себя. У меня с молодыми никак не получается, – и с этими словами сатир исчез.

Впервые тот ожил, заулыбался, начал двигаться. Маришка в руках несла чемодан, даже не замечая, что делает мужскую работу. Валет принял его, поздоровался, очень приятно выглядел и Прораб, по-приятельски чмокнул в щеку Маришку.

– Я вот тут оставила в чемодане список лекарств, которые ему надо принимать по часам, – обратилась она к Прорабу, – вы уж, пожалуйста, проследите.

– Маришка миленькая. Не надо реветь, ты смотри какая заплаканная. Все будет нормально. Ты же меня знаешь.

– Да знаю, потому и отпускаю. Вы отвечаете за него.

– И я, – высунулся откуда-то Чиф. И сразу затрещал, – Что же это такое, Малыш. Ты не познакомил меня со своей женой, своего бригадира. Никак от тебя этого не ожидал.

У Маришки рот раскрылся от страха, а Чиф трещал дальше как пулемет.

– Я, конечно не красавец, я это знаю, но это если глаза открыть, а если закрыть, то и ничего. Вдобавок я очень добрый. Мне вот какая мысль пришла, глядя на такую хорошую девочку. Ведь ее муж уезжает на целых полгода, ведь она будет стеснена в средствах. А давайте дадим Малышу аванс прямо сейчас, прямо здесь, чтобы девочке было полегче. – и он развернул свой бумажник. – Штука. Мы же знаем, что все будет хорошо, что Малыш отработает эти деньги. Вы не против, друзья?

Ход был беспронимательный. Валет и Прораб заулыбались, Маришка закрыла рот и заворожено уставилась на деньги, Чиф отсчитывал четвертаки. После всего наступила беспечность, беспечно отправились в буфет, беспечно покушали в последний раз и тут объявили посадку. Маришка провожала. По зеленому полю шли к далекому кукурузнику друг за дружкой – Чиф впереди, следом Валет с чемоданом, Прораб со своим и замыкающий Малыш. Уже в самолете Валет вспоминал странные Маришкины глаза. Это были больные глаза. Валет вспоминал, вспоминал- вспомнил, отшатнулся – базедова болезнь.

Картина шестая

Летели полтора часа, приземлились в три. Тут уже было лето. Вдоль зеленого поля огромные пирамидальные тополя. На краю поля стоял УАЗик и оттуда махал рукой здоровенный детина.

– Это за нами, – объявил Чиф и направился к машине. Тут стоял двухметровый бритый наголо узбек по виду тяж. Он дружески, сердечно встретил всех, особенно Чифа. Прораб усмехнулся, уж он-то знал местные обычаи. Детину звали Селим, он уселся за руль, Чиф рядом, команда сзади, багаж загрузили и двинулись. На удивление Чиф и Селим сразу перешли на туземный язык и Чиф бойко отвечал. Дорога шла среди ухоженных полей хлопка, на горизонте лишь изредка мелькали люди, те, что встречались на дороге, кланялись. Дорога нырнула в оазис, это была центральная усадьба. Асфальт чист, ни одного окурка, вдоль дороги большие крепкие дома, это не аул, это кишлак и не баскарма тут, а раис. Но не совсем здесь кишлак, на домах нет плоских крыш, все русские и заборы высокие, крепкие – не дувалы. УАЗ выехал на площадь с клумбами и фонтаном, подъехал к красивому офису с зеркальными витражами и стал. Команда вытряхнулась, и, в сопровождении Селима, направилась в офис. Ожидали в прохладной приемной на втором этаже, Чиф был в кабинете Баскармы. Он покинул кабинет с сигарой в зубах, пахло от него коньяком, Селим просто прогибался перед ним. Прораб презрительно улыбался. Дальше поехали на микроавтобусе. В конце поселка оказались склады. Кладовщик уже получил инструкции, он ходил по пятам и записывал, Чиф выбирал. Загрузились под потолок. Чего только не было на складе. Начали с постельного белья, а кончили ложками, вилками. Загрузившись как следует, рванули дальше. Выскочили из оазиса и стали на проселочную, мелькнула речка. Оказывается и речка была рядом. Километра через полтора дорога огибала холм и шла дальше, но дальше машина не пошла.

– Приехали, – объявил Чиф. – Выходим.

То была небольшая рощица, виднелась водонапорная башня, стоял строительный вагончик, дощатый склад – ворота под замком, столб с линией электропередачи и всего понемногу.

– Там дальше будет строиться животноводческий комплекс, а здесь будут жить господа: директор, главный инженер, бухгалтер, ветеринар. Давайте выгружаться.

До вечера селились. Надо сказать, все ключи Чифу передали. Открыли вагончик, была летняя кухня, развели костер, вскипятили воду, чистым кипятком промыли вагончик. Вагончик на два отсека, в каждом отсеке два дивана, посреди маленькая кухня с газовой плитой, подключили газовый баллон, включили электричество – и жизнь пошла. Прораб из своего чемодана извлек транзистор и заработало радио. Потом было много всяких дел. На складе нашли бетономешалку, до вечера Прораб ее подключил, опробовал и инструмент у него оказался нужный, недаром чемодан набивал. На ужин вспороли банки тушенки, напились кофе, спали без задних ног. На следующий день, а это был Первомай, готовили инструмент-лопаты, мастерки, окоренки и т. п. На складе оказалась пара тонн цемента, глина, песок, кубов десять кирпича. Начало было. Чиф развернул перед Прорабом чертежи. Тот хмыкая, изучал их.

– Слушай, твой друг действительно щедрой души человек. Просто царский подарок. Десять на десять коттедж, один этаж. Плюс сарайка два на четыре, опять же кирпич, плюс сортир – кирпич. Если снабжение будет бесперебойным, то мы управимся вполне.

– За то не волнуйся. В июне подъедут студенты – студенческий строительный отряд. Будут там за холмом строить животноводческий комплекс. Фонды уже выделены, стройка

закипит и от этих фондов отщипывать в нашу пользу будут. Мы будем первыми, ведь для кого стараемся? Для родаков, племенников...

Потом расписывали рабочие места. Порешили Валета поставить на кладку, Прораба ему в подсобники, Малыша на бетономешалку, Чифу все остальное. А остального было выше крыши. Это и воду таскать на кухню, и летний душ, это и завтрак, обед, ужин, и полдник в том числе, и строительство. Вечером в вагончике состоялся разговор. Чиф и Прораб занимали правую секцию.

– Расскажи мне про Малыша. Где ты его взял, уж больно он слабенький, ненадежный какой-то.

– Это мой товарищ, друг, можно сказать. Он работал у меня на участке, это его вторая ходка, из первой я его на руках привез. Подсунули мне его. Как я не хотел его брать, его без меня приняли и приказ на него выписали и именно ко мне. Сижу я с похмела, материальный отчет сдал, любой прораб поймет что это такое, так вот, сижу я в своей прорабской – у меня кабинет был в управлении – вдруг стук в дверь. На пороге этот со своей женой. Так и так, мы к вам. Я остолбенел. У меня в поле оторви и брось – алкоголики, алиментщики, в розыске прячутся, а тут святой, глаза в душу смотрят. Как я их только не уговаривал, девчонка плачет, этот носом хлюпает – деньги нужны. Да разве у меня их можно заработать, мои алкаши все деньги на вино пускают и понять их можно. В поле нельзя пить воду откуда попало – гепатит. Вот они и страхуются – вместо воды бухло. А этот в рот его не берет. Разве можно такому? Отговаривал я их, отговаривал, да что толку – деньги нужны. Жаль мне их стало, выдал я ему свою армейскую фляжку и наказал, чтоб всегда чай был. Присматривал за ним, оберегал, хватило его на сезон. Все-таки где-то хлебнул. На руках я его привез в Алма-Ату, кое- как сдал в больницу, посещал, передачи носил. Нет, если следить – пойдет.

– Ладно, хоть будем знать. Как работу организуем?

– Я уже все продумал. Подъем в шесть ноль-ноль. Летний душ, завтрак – шесть тридцать. В семь ноль-ноль выход на работу. В одиннадцать перекур, кофе. Пашем до часу – жара. Опять летний душ, плотный обед. Отдыхаем в тени до пяти. В пять полдник, снова на работу до восьми. Опять душ, плотный ужин. Часик свободного времени, если получится, и отбой.

– Спасибо, сынок. Зарядил ты отца, ты хоть знаешь насколько ты наговорил?

Картина седьмая

Утром, второго мая, все уже были в полном боевом. Прораб и Чиф, оголенные по пояс, поглядывали друг на друга, ухмылялись.

– Ты неплохо выглядишь, сынок, тяги у тебя хорошие, в каком весе?

– Сто семьдесят восемь рост, семьдесят два вес.

– А у меня два ноль пять рост, сто тридцать пять вес.

Прораб хохотал.

– Слушай отец. Как-то неудобно Чиф да Чиф, давай как-то по другому.

– Зови меня отец. Я согласный. Будешь мне сынком...

Ну что, начнем?

И закрутилась бетономешалка, покатились деньки. Прораб подтаскивал на стройку раствор, кирпичи, подкидывал к мешалке песок, глину. Чиф, впрягшись в огромную телегу, возил воду в пластмассовых флягах. От скважины и обратно – сто метров туда, сто метров обратно. Вода заливалась в железную бочку, оттуда насосом перекачивалась в бак летнего душа, солнце нагревало бак до кипятка – горячая вода. Летняя кухня под навесом, дощатый стол, скамейки, на столе пузатый чайник с зеленым чаем. И больше всего ему, он и кормилец, и поилец, он и папа, он и мама. А ведь надо еще вагончик протереть. Главное условие – гигиена. У них появился помощник – старичок с ишачком. Подвозил продовольствие, чистую питьевую воду. Дед подружился с Чифом и, пока тот хозяйничал на кухне, дед подсаживался к нему и оба мурлыкали на одном языке. Сынок только удивлялся как быстро отец входит в роль.

Кирпич свистнул, даже не заметили как, и тут появился баскарма. Это был крепкий мужчина сорок с небольшим, рябой с коротко стриженными курчавыми волосами, одет элегантно. Он прошелся по площадке, приветливо со всеми поздоровался и отвел Чифа в сторону. Грачи бросили работу и с интересом уставились на обоих. Болтали они о чем-то весело, дружески, Чиф закурил сигару, тот щелкнул золотым портсигаром, вставил в рот сигарету и задымил. По всему было видно, что разговоры у них какие-то приватные.

– Хоп, – сказал тот, хлопнув Чифа. – Все тебе будет, дорогой. – и уехал. В тот же день пришла машина с кирпичем, потом цемент, глина, песок. Появился энергетик, запустил глубинный насос, работа пошла.

Перед отбоем оставалось несколько минут, каждый отсек проводил его по-своему. В правом отсеке держался крепкий запах табака, отец и сын курили. У Чифа был ларчик с сигарами и на сон грядущий он позволял себе сигару. Прораб смолит сигареты. Перед сном они обязательно подводили итоги дня. Был составлен график и старались строго придерживаться. Здесь и разговоры были про цемент, кирпич, что в какой последовательности. Совсем другое было в левом отсеке. Там не курили. Валет вывернул весь свой парфюм, что привез в балетке. Тут благородные запахи, богема, изящные беседы. Валет завладел Маришкиным списком и по часам кормил Малыша.

– Что вы думаете, Малыш, о современной эстраде?

– Я вообще-то небольшой специалист, с детства увлекался джазом. Теперь вижу, ошибался. Эпоха джаза прошла, теперь на эстраде вокально-инструментальные ансамбли. Характеризуются прежде всего обедненной полифоничностью. Исчезли духовые инструменты практически, скрипичная группа, фортепиано, остались струнные, ударные, может где-то саксофон. Все это привело к обедненной музыке, вокалу. В ресторане «Алма-Ата», где мы сидели, был хороший джаз в десять инструментов, два певца – мужчина и женщина. Теперь шесть инструментов и одна певица. Скоро и этого не будет. Я сам играю в ресторане – четыре инструмента и, наверно, скоро разгонят.

– А почему?

– Джаз, во-первых, дело дорогое, а во-вторых, нужны новые композиции, а их нет. А на старом материале далеко не уедешь.

– А вокал, что вы скажете о вокале?

– Самодеятельность голимая. Ни у кого не работают легкие, нет правильного дыхания. Вокалист тянет горлом, рвет связки- это значит голос не поставлен. А голос тебе может поставить только профессор в консерватории. Вокалист на эстраде поет с придыханием. Вы слышали когда-нибудь, чтобы тенор в опере или оперетте пел с придыханием? А этим можно.

– Короче, вы за классику.

– Да, классика мне нравится.

– А вот современные голоса, какие вам нравятся?

Малыш задумывается:

– Только с точки зрения джазового музыканта – Андрей Миронов и Людмила Гурченко. Первый фокстрот-тенор, а вторая джазовое сопрано. Вы слышали о Европейской программе – это бальные танцы. Два фокстрота, два вальса и танго. Так вот, петь эту программу может только фокстрот. Это такой тенор, у которого есть акцент, по которому его можно узнать из сотни других теноров. Лучше всего родиться с таким акцентом. У Миронова как раз такой акцент. У него и голос не поставлен, и поет с придыханием, и мимо микрофона, а акцент изумительный. Все неправильно, а все вместе великолепно. Его даже оперетта заметила. Поет партию с таким голосом – «Небесные ласточки». А про Гурченко и говорить нечего. С ее голосом только зеленые мелодии.

Знал бы Малыш зачем его пытается Валет.

Это случилось на первой неделе. Валет проснулся ночью от странных звуков: кто-то тихонько плакал. Разумеется, это был Малыш.

– В чем дело, – встревожился Валет.

– Руки, – весь в слезах отвечал тот. Выяснилось – потянул связки на лопате. Валет поднял правый отсек.

Прораб, сынок, быстренько в рощу, нарви лопухов, да побольше листья, Валет включи газ, приготовь кипяток, – скомандовал Чиф. – Не плачь, Малыш, вылечим тебя. День, два – все пройдет.

Мягкими лапами он обмотал руки Малыша распаренными лопухами, плотно забинтовав их. Малыша, на пока, определили на кухню. Этот случай странным образом сблизил Валета с Малышом.

В воскресенье завели выходной. В субботу трудились до двух. После пяти убирались. Чиф переодевался в чистое и уходил на центральную, у него там появилась зазноба.

Не хочешь со мной, сынок. И для тебя бабенка найдется.

– Тяги нету, – бурчал Прораб.

– Тогда останешься за старшего. Всем отдыхать.

И грачи разваливались на диванах. Валялись без движения, набирались новых сил. Блаженное ничегонеделание. Чиф появлялся в воскресенье вечером, подтягивал к себе Прораба и обои утыкались в график. Май мелькнул – не заметили.

Картина восьмая

Следующее событие произошло уже в июне. У грачей уже стояла одна коробка, возводили другую. В один из дней показалась кавалькада автобусов. Три автобуса были разукрашены воздушными шарами, бумажными гирляндами, в окнах мальчишки, девчонки. С песнями и плясками они проехали мимо грачей и завернули за холм. Студенты – догадались грачи. Тут же за ними рванули грузовики со стройматериалами, появилась строительная техника. Там что-то заухало, заскрежетало. И очень скоро лагерь посетила первая студенческая депутация. Прямо с холма, загребая песок ногами, спускалось несколько парней в куртках ССО, впереди шел комиссар. Низенький, плюгавый, бесцветный, но в погонах – две большие звезды.

– Привет грачам! – вскинул он руки. – Давайте знакомиться. Мы ваши соседи.

Все расслабились, Чиф сел на ящик, закурил, комиссар присел рядом.

– Сколько вас?

– Восемьдесят человек.

– Надолго?

– До октября месяца. Административный корпус будем строить.

– Не развалится он после вас? – насмешливо спросил Чиф.

Комиссар захохотал.

– Что у вас с водой, у нас нет воды.

– Техническая вон, полный бак. Там кубов двести, а питьевую вам должны привозить.

– Нам техническая нужна.

– Берите. Водовоз у вас есть?

– Дадут. А что вы строите, сколько вас?

– А вот все перед тобой. А строим мы коттеджи для начальства. Место козырное – роща, свой глубинный насос, своя скважина.

– Глянуть можно?

Студенты прошли по площадке, глянули во все дыры.

– Повезло вам, грачины. Тут роща, а мы на солнцепеке.

Обращение «грачины» очень не понравилось всем. Вырисовывался облик комиссара – нагловатого хамского типа. Студенты ушли так же через холм, загребая ногами песок.

– Видал я таких, – сплюнул Прораб. – Перестарок. Такие на курсах по десять лет держатся. Все комиссарят, деньги делают, объедают братву.

К студентам заладили комиссии, там действительно что-то разворачивалось, но грачам одно неудовольствие. Водовозка непрерывно у них торчала, да и комиссии стали заворачивать к ним. Но, как бы там ни было, а стройка шла.

Картина восемь:

Это было уже в июле. Был воскресный день – день отдыха. И Прораб решил сходить на речку, исследовать ее. Он заготовил удочку, решил половить рыбку. Часиков в десять он уже был на речке. Речка была с быстрым течением, но были и затоны. Он нашел один такой и закинул удочку. Поначалу не клевало. Прораб искал глубину, нашел и потянуло. Первый подлещик, второй. Он весело закидывал удочку. На его беду та же самая мысль пришла в голову студентам. Двое крепеньких парней шло по берегу, непрерывно закидывая удочки. Конечно, они наткнулись на Прораба.

– Эй, ребята, встретил их Прораб. – Вы бы спустились ниже, там тоже затоны есть.

– Нам и здесь неплохо. – язвительно заметил один и закинул удочку. Второй плюхнул рядом. Как на зло, Прораб подсек еще одну рыбешку. Пока он отстегивал ее, наглецы встали на его место.

– Пацаны, это по хамски.

– Вали отсюда, грачина.

– Что ты сказал?

– Что слышал, – пацан под восемьдесят килограмм скалил зубы.

Короткий удар в печень и он на земле. Второй бросился на нашего героя, тот просто подставил бедро и второй улетел в воду. Пыхтя от злости, Прораб сломал их удочки, порвал лески и, подхватив свой улов, ушел. В лагерь он пришел шипя, как раскаленный утюг. Далее прошел на кухню и принялся чистить рыбу. На обед была уха. К вечеру прибыл Чиф. Он сидел на ящике и занимался самым мирным трудом на свете – подшивал иглой с суровой ниткой тапочки домашние, которые у всех развалились, потому что были китайскими. Вечерело и вот с холма опять депутация, во главе комиссар.

– Вот этот, вот ваш – вытянул он руку – избил наших двоих!

Чиф удивленно поднял глаза.

– Сынок, Прораб, ну-ка иди сюда. Объясняй.

Прораб еще не отошел от горячки. С пылом, жаром он начал говорить, сопровождая текст, размахивая руками.

– А почему я ему должен верить? – взвился комиссар.

– А потому что я ему верю, – отвечивал Чиф. – Парнишка немножко знает джиуджитсу, но человек он порядочный, приличный человек. И сам по себе он не мог напасть на двух человек. А почему ты их с собой не привел, сейчас бы и разобрались. Что за манера. Он здесь, а твоих нету. Они что, в лежачем состоянии. Может сходить, проверить?

– Не стоит, – сплюнул сквозь зубы комиссар. Но мы предупреждаем...

Тут уже завело Чифа:

– Слышь ты, комиссар. Ты научись себя прилично вести. Приходя в гости, надо говорить «здравствуйте». Тебя учили этому, или ты на помойке воспитывался?

Толпа недовольно загудела.

– И угрожать – последнее дело. Ты понял меня? А теперь пошел вон! – И Чиф встал во весь свой могучий рост.

Депутация удалилась, ругаясь и отплевываясь, так же через холм.

– Молодец, сынок. Ты правильно поступил. Себя не опозорил и нас тоже. Но на глаза им не попадайся. – попытожил Чиф.

Картина девятая

В лагере появился телевизор маленький цветной – баскарма прислал. Прораб установил его в тени вагончика. Был Воскресный день, вечер и все сидели перед телевизором, смотрели фильм – «Мистер Икс». Валет сидел позади всех. Самая лирическая сцена – дуэт Этьена и Теодоры на озере, в лодке. И тут Валета прихватило, он схватил себя за горло, приглушая звуки, несшиеся из груди. Страстно захотелось встать, расправиться во весь рост и запеть во все легкие. Он давно уже заметил в себе эту страсть и знал, что у него тенор и тенор лирический. Он таил в себе это чувство, но оно прорывалось на волю само собой. Он тяжело задышал и отошел за вагончик, спрятался. Фильм закончился. Следом пошло «Очевидное, невероятное». Речь держал Капица, говорили про теорему Ферма, потом пошел фильм – Кайдановский в роли Люцифера и математик. Математик загадал ему эту теорему. Чем дело кончилось известно, но тут возмутился Прораб – не может быть, чтобы такая личность не знала решение этой задачи. Он был так же неграмотен как Люцифер из фильма. Он сбегал за вагончик и записал мелом прямо на нем формулировку:

$$X^3 + Y^3 = Z^3$$

полагая, что это и есть вся проблема.

– Что это такое? – спросил Чиф.

– Теорема.

– Откуда, из кино что-ль нахватался?

– Пусть будет.

Тем же вечером в левом отсеке обсуждали Мистера Икса.

– Как тебе фильм, Малыш?

– Шикарный фильм. И он хорош и она. Тут слегка не вяжется. Уж больно они в возрасте. Можно б было сделать помоложе, и все-таки фильм надо было делать цветным.

– А какие фильмы по-твоему особо удачны?

– Три фильма я считаю самыми лучшими двадцатого века. Это «Серенада солнечной долины», «Девушка моей мечты» и «Карнавальная ночь». Музыкальное сопровождение всех трех фильмов – джаз. Первый – Гленн Миллер, самый великий тромбон двадцатого века. Там снималась Соня Хени, трижды олимпийская чемпионка по фигурному катанию. Великолепный сценарий, великолепная музыка. Второй – Марика Рекк. А как бьет степ. Она и в балете, и в кордебалете, и в варьете, и гимнастка и певица – королева эстрадного танца, рядом некого поставить. А какой фокстрот она сделала в «Девушке». Хоть бы кто-нибудь что-нибудь сейчас. А сколько фильмов с ее участием. Я почти все смотрел – сплошной восторг. Ну и наш фильм хорош. Тут надо просто кланяться в ноги Рязанову. Людмила Гурченко и джаз-оркестр Эдди Рознера. Признан золотой трубой вместе с Луи Армстронгом.

– Понятно, Малыш. Ты просто влюблен в джаз.

– А нынче кинушки идут без джаза. Назовите хоть один, который в голове бы остался.

– Ну вот, например, «Унесенные ветром» – самый лучший американский фильм.

– Видел я его. Не произвел впечатления.

На том и успокоились.

Картина десятая

Следующее крупное событие произошло уже в августе. Грачи уже добивали четвертую коробку, был воскресный день, Чиф ушел в поселок, Валет и Малыш возились на кухне. Прораб уткнулся в свои письма, он все пытался определиться с уравнением. Неожиданно Малыш опрокинул питьевую флягу, бивак оставался без воды. Без воды никак нельзя и Прораб решил пособить горю. Несмотря на запрет Чифа, он решил отправиться за водой к студентам, тем более, что там было интересно. Накануне туда прибыл автобус с агитбригадой. Автобус имел радиостанцию и теперь из-за холма неслась музыка. Прораб впрягся в телегу, установил туда сорокалитровую флягу и покатил к студентам. Ходу было минут восемь. Лагерь студентов представлял пеструю картину: куча вагончиков, строительной техники, стройматериалов. А в общем, все было выжжено солнцем, под единственным тополем была разбита полевая кухня. Прораб подъехал к кухне поздоровался с поварихой и изложил свое дело.

– Берите, пожалуйста.

– У вас что, праздник? – спросил он уже на кухне.

– Ага, – ответила та. – Все на месте, вон, смотри.

И действительно, на утопанной площадке был сооружен импровизированный помост, все студенты сидели круг, кто на чем. На помосте выступал штангист, а рядом с ним двигался конференс с микрофоном в руке. Долетали слова:»Мастер спорта...чемпион...неоднократный призер...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.